

УВАЖАЕМЫЕ ДНЕВНИК

1967

3 янв. 67 г.

Год был логичным. 1 янв. был пожар, и 31 декабря был пожар. Тушили Бражников, я и Цветков с трактором. Я и Бр. тушили потому, что ветер был в нашу сторону и искры перелетали через дом. Горел клуб. Теперь мы обесклубленные. На бесклубье. Клуб был в клубах. Пришёл Клим – искал денег. – Не денег тебе надо, – сказал я, – а меходежду. И мотай в тундру. Пантелеева придет, тебя убьёт.

Я поймал 2 обгорелых листочка. Шевченко «Сон», кот. я должен был прочесть на вкл. чтении, но не успел. И теперь уж не прочитаю.

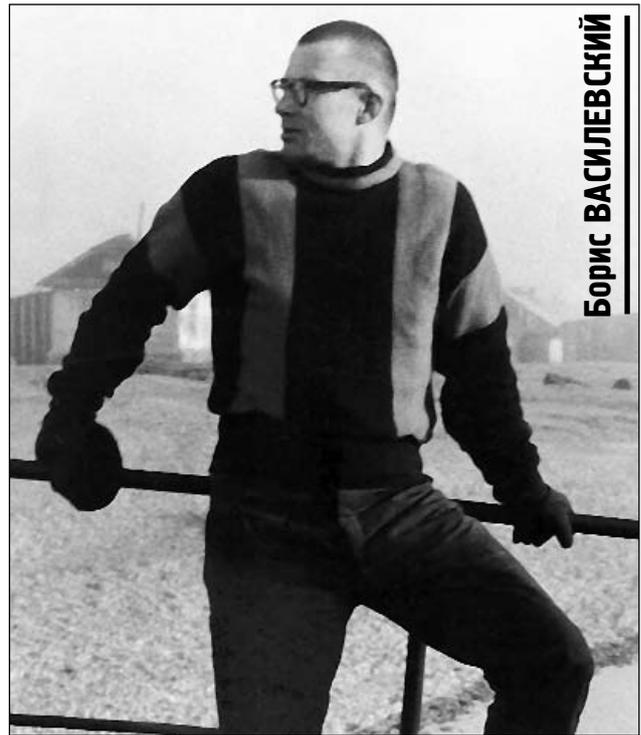
Спалили клуб 3 гаврика: Клим, Кейнон и Валера–механик – хотели узнать, как горит вата. Наша ёлка сгорела. Директриса жалеет ёлку. Клуб горел, работники ТЗБ носили посуду в столовую. Пир во время пожара.

[Все эти детали очень сгодились потом в романе. Только страничку из «Сна» заменил на страничку из любимого «Героя нашего времени». «Что до меня, то я убеждён только в одном...» – сказал доктор. – В чём это? – спросил я... «В том, отвечал он, что рано или поздно, в одно прекрасное утро я умру»... И т.д.]

5 января 67 г.

Новый год встретили в кругу Лемура. 31-го сгорел клуб, но развалины его ещё дымилась вчера. В ночь на 1-е часа в 3 возле клуба сидел чукча в мехах и горько плакал.

[Потом в романе: «И что его так пронзило? Сидел, раскачиваясь, на снегу, выделяясь на фоне сугроба непокрытой угольно-чёрной головой, и плакал так горько, безутешно, как младенец...»]

БОРИС ВАСИЛЕВСКИЙ

Чукотка, залив Лаврентия. 1965

Пропал солдат с РТП. Стреляли в пограничн. наряд. Вызыв. в Лавр. с докладом, но не полетел. От Мифа утешит. письмо с неутешит. известиями. Вчера печатали Лемурские фотографии. Ночью и сейчас сильный восточн. ветер и метёт. Лемурьев научился говорить ба-ба-ба-ба... Что ещё?

9 янв.

Вчера были Ив. и Горд., играли в покер. «Гр.Кит» о том, как человек сделал выбор – «ввязался».

Все знают про самолёт, но все друг друга спрашивают:

- Ну, как там самолёт, не слышно?
- Не будет, говорят.
- Говорят, в Нешкан пошёл?
- Говорят.

Пропуск между абзацами. Каждый абзац – закончен, как рассказ, как картина. И всё объединено.

Навстречу нам бежал какой-то незнакомый фраер в новеньких унтах и пыжиковой шапке.

– Вы с этим самолётом прилетели? – крикнул он.

– С этим... Только уже лет 5, как прилетели, – сказ. Овчинников.

10.

На днях сон о Борщ., кот. приехал сюда, в Уэл., чтобы погов. со мной о рассказе, и мы никак не можем это сделать. То сидим одни в пустом классе, то у меня дома, то в столовой, и только он начинает, как нам кажется,

что это место неподходящее, и мы идём в другое.

13.

Лёма переворачивается на живот по системе. Сначала поднимает ноги под прям. углом и валится набок. Потом стремится повернуть голову лицом вниз, а ноги вытягивает и поворачивается. Одну ручку надо вынуть из-под себя. Лёма кричит и вынимает. А если не может вынуть, то плачет.

Ив-н зовёт Кирилловну «мой генерал».

На пути из Лавр. в Лорино сгорел вертолёт. Санрейс. Сел на сопку. Есть и тяжело обгоревшие.

16 янв.

Сгорела девочка 3 лет и врач, тот, что рас-сужд. о груз. винах и ходил в нерп. штанах – обгорел. У нас сошла с ума санитарка Шура – на почве потерявш. солдата. В Лавр. отравилась пионервожатая – из-за сплетен.

Умкауги чистит печку.

Во 2-м полуг. уроки у нас с Антошей совп. Комиссия на носу, и ряз. ставят в распис. на 1-е уроки. Т.К. вызывается сидеть с Лемуром.

Следить, чтобы р(усский) не был 5 уроком, они могут, а что школа заним. по идиотской для Чук. программе, их не волнует. Чин-новники и кретины.

17

Анализ диктанта надо проводить так: раздавать тетр. на дом для самост. анализа, а затем всем вместе в классе.

Поставили перед д-р дилемму: или переделывает расписание или увольняют.

Приходил Гоном, как только открыли дверь, сказал: «Нет, нет! Рубль на хлеб!»

18

Лёма любит свой красненький капюшон, и мы ходим с ним здороваться.

Анадырское литобъединение звонило мне и разыскивало. Директриса думала, что её, и таскалась на почту в пургу.

Мои хоз.заботы увенчались. Сег. восточн. пурга и у нас тепло.

Д-са со всеми перессорилась. Пришла на работу Куймель – старые боевые кадры. Они ругались, а потом Куймель заплакала и сказала: «Приехала карга и орёт здесь на всех».

Сег. она (д-риса) плохо спала. Снилось ей, что горит школьная мастерская, и она бегала смотреть.

Гордеев сделал фотограф., где я с бубном.

Лёма потянул к себе занавесочку, кот. я его завесил, сообр. теперь, как взять её в рот.

21

Ранау объяснил, что зимой не курит, потому что ставит капканы, а курить начинает с мая.

Прилетел наконец-то самолёт, привёз медицинские брошюры. Когда стал взлетать, бр. эти разлетелись, собаки кинулись за ними и рвать.

23.

Ездили в суб. к Гордеевым. На обр. пути подн. пурга, потеряли полоз, колесо от коляски, вывалили Лемура. От магазина я нёс Лемура на руках, Антоша тащил коляску. Он вошёл, держа в одной руке кузов, в другой все остальные части. Я раскутал Лемура, он спал. [См. роман. Душераздирающая сцена.]

Вчера было отч.-выборн. собр. в колхозе. Вечером пришёл Ив-н, пили и говорили. Советовал ему писать в «Нов.мир» некий соц-эк. очерк о колхозе.

Взял справку у врачихи, что Лёма – «ослабленный» – для роно, дабы могли пойти на встречу. Лёма теперь симулянт.

27 янв.

Лаемся с роно и достигли кульминации.

Прочее своим чередом. Сделали с Сараявым, расширили Лемуру ложе. Сар. сунул палец в пилу. Ночью по пурге тащил кровать из шк. мастерской, вернее, она меня тащила.

[См. роман.]

Пушник Назаров, живёт с чукчей. Жалуется, что она пьёт больше него. Она назыв. его папой, он её мамой – (при том, что) детей нет.

О силе его ходят разные анекдоты, и вот один из них. Однажды он пил с кем-то (Тышовым?), потом, рассердившись, замахнулся, промазал по Тышову, попал по отрывному календарю и прошиб его сквозь стену.

Вчера и сег. было по самолёту. Антоша получил свои письма, а от Борща ничего.

28

Энтропийный оптимизм.

Саня Сух-й, возвращаясь из отпуска и садясь в самолёт в Лавре, пьян, конечно, сказал: «По морскому обычаю, надо бы о борт бутылкой шампанского гахнуть». Комков (лётчик) подошёл к нему и сказал на ухо: «Вот я тебе так сейчас гахну, что своих не узнаешь».

– Да, действительно, не стоит, – подумав, отвечал Саня.

1 февр.

Горы хорошо видны в феврале при солнечной погоде с утра.

Роно неистовствует. Неугомонный не дремлет враг.

2 февр.

Перебрасываемся с Мифом телеграммами, вроде: «Белый конь пьёт три бутылки ци-нандали» или «Будуаре королевы било шесть» и т.п.

[Играли с Мифтахутдиновым в шахматы по переписке. Для нас эти тексты значили: Белый конь – С 3. Ферзь – В 6.]

Пижоны познаются в эндшпиле. Кто-то из нас и выиграет 2 бут. коньяка, но на телеграммах оба мы потеряем ящик водки, это точно.

Когда Лемур начинает скулить, есть ещё одно средство – электробритва.

6 ф.

Вчера три раза ездил на сопку, привёз центнера 4 снегу. Кто не работает, тот не пьёт.

Антоша выигрывает в покер.

Сажаю Лемьева в кровати и оба мы радуемся.

Миф прислал: «Конь перешёл на армянский 4 звёздочки». – «Королевы предпочитают армянский 5.»

8 февр.

Т.К. ушла, отдежурив у Лёмы 2 часа. Нас замело, т.к. пуржит с севера. Погода отвратительная, но так почему-то спокойнее. Перечитывал вчера Сартра «Слова», и впервые после многих лет захотелось выписывать. Я понял, почему зашёл в тупик с «Ты» – я съехал с обочины, восхитительной обочины, в колею сюжета. Интонация у нас порой (часто) совпадает, и рабочая гипотеза одна, но у него она детализированнее. Впрочем, до 50 лет у меня ещё есть время.

Уже два дня, как завёл вино по рецепту Т.К. Теперь у нас два объекта заботы: Лёма и бутылка.

Да, «Слова» Сартра, если пользоваться традиционной литературоведческой терминологией – посильнее гётевского «Фауста».

«Меня восхищает подобная воля к всеприятию. Если уж любить внезапно, то любить их именно до такой степени, до этих редких озарений, раскрывающих ценителям, что земля создана не для них».

«Первые годы жизни в особенности вымараны мной начисто: взявшись за эту книгу, я вынужден был потратить много лет на расшифровку перечёркнутого».

«...увидел эрзац христианина в литературе: делом его жизни было искупление, пребывание в земной юдоли имело одну цель – достойно пройти через испытания и заслужить посмертное блаженство».

13 ф.

Война мышей и лягушек продолжается.

Трактор укатывает лагуну, м.б. самолёт будет. Здесь солнце, но гор не видно.

Сайки в этом году мало и поздно. Тышов вернулся в костерезку.

Напис. письмо Анিকেеву, сверхкороткое, и девочкам.

14 ф.

Думаешь кончить её, как Ал-др Македонский, а кончаешь тем, что ссорись из-за расписания.

[См. роман: «Так, свою распря с Аделаидой называл он «войной мышей и лягушек», а про

себя говорил: «Начиная жизнь, думаешь кончить её, как Александр Македонский, кончаешь же тем, что лаешься из-за расписания...» Стр. 242.]

Собрались на лагуне и ждут самолёта.

Солнце уже порядочно уходит к западу.

15 ф.

Был в отборочн. комиссии – посылали ансамбль на смотр.

Наконец, пришли посылки.

20 февр.

– С утра обегали – везде Колчак, пусто. А тут Бычков подвернулся. «Вы, ребята, – спрашив. – природу любите?» Я не сразу понял. – Ну, говорит, «Сирень» там, «Жасмин»? Остроумный парень...

Лёма научился кивать головой. Подойдешь – кивает, так серьёзно.

Его чувство инфантильности на базе невоспроизводства мат. ценностей. «Гр.кит».

Его непричастие к сфере матвоспроизводства и грусть по этому поводу.

И сон Антошин о грустн. ките. Но гр. кит был один?

2 м-та.

Сег. занимались 1-ый день. С 24-го...

7 м-та

Да, с 24-го мы болели, я и Лёма. А теперь Антоша. И весь посёлок болел грибом. Теперь мы снова занимаемся. Лёма капризничает. Антоша хандрит. Т.К. ходит за нами.

Из минувших событий: в Уэлене повесили фонари, 5 фонарей. Сейчас в Уэл. предпраздничный ажиотаж. Водку будут давать по талонам. На торж. собрании, после него дадут талон каждому, и каждый пойдёт с талоном и возьмёт бутылку. 350 человек, 350 тал., 350 бутылок.

Алешников улетает в отпуск с 10-го.

12 м-та.

Пурга образовалась за полчаса. Алешникова вчера улетела, а Ал-в не улетел. Стоял возле самолёта и твердил: Боря, запомни, Горького, 146, Горького, 146. И разодрался с лётчиками. Галку Гордееву впихнули-таки. Письма от всех: и от Мифа, и от Аник., и от Борщ-го. Половину письма хвалит, половину ругает – за леность, и малопроизводительность. «Вы, – говорит, – теперь живёте рядом с фактом». То-то и убивает.

Карев приходил 3 раза: взял бутылку, отдал и снова взял.

Знаменательной была также пьянка в школе 7 м-та. Когда все собрались и настала торжественная минута тоста, появился Лёня, наш завуч, уже хороший, с тазом, и указыв. на него, произнёс: «Сюда – блевать!» Все были шокированы, естеств., но всё равно потом

блевали, но не в таз, а в ящик из-под водки. Упившись окончательно, Лёня дремал на стуле, но домой не уходил, чувствуя свою ответственность.

Другой Лёня, физрук, оказался по пьянке очень злобным и подозрительным. Он ходил, шатаясь, по 1 этажу, грозил всем и всех подозревал в ненависти к нему, Лёне.

[Вот я и говорю: проживание «рядом с фактом» не то что убивает, но иногда удручает, это точно. И опиши я, к примеру, как-

нибудь художественно факт отмечания праздника 8 марта в нашей школе, тот же Борщаговский опять сказал бы: «Вы что, специально пишете, чтобы вас не печатали?!» А я был и остался трезвый реалист. Что видел, то и писал. Но, по счастью, интересовал меня в Уэлене не обыкновенный наш быт, а наше необыкновенное быт и е... Что касается Лёни Бродникова... Он появился в Уэлене позже меня, откуда-то из Сибири. Кажется, из Бердска, это где-то недалеко от Новосибирска. По специальности – историк, учитель. Давно замечено: не все приезжают на Север из «романтизма», и не все из-за денег, но очень многие – из-за несчастливой, несложившейся на материке жизни. Вот и у Лёни был какой-то неудачный брак, ребёнок. Вдобавок он, здоровенный мужик, был альбинос. Совершенно белые волосы плюс какая-то невероятная близорукость. Не помогли никакие очки. Однажды он попросил у меня бинокль, как-то приспособил его к своим глазам, поглядел на наши окрестности и сказал: «Я и не знал, как, оказывается, тут красиво!» А пейзаж в Уэлене был, действительно, чуть ли не главной составляющей нашего бытия. А он ничего этого не видел... И в Уэлене жизнь у Лёни тоже не задалась. Пытался ещё раз жениться, потом жил один. Пил, конечно. В очередной свой приезд в Уэлен, уже потом, в командировку, я его встретил, и он сказал с какой-то безнадёжностью: «А я всё тут...» А в следующий приезд я узнал, что он повесился... Вот ещё факт, «рядом с которым». И опи-

ши я нашего несчастного Лёню, тот же Борщаговский опять сказал бы... и т.д.]

1. При посадке в самолёт место у дверцы надо занимать со стороны крыла.

2. Человек, стоящий напротив, практически оттесняется к хвосту.

Благодаря заботе Т.К. и пока Ардалионова выясняла в ТЗБ, по скольку апельсинов продавать на душу, я успел взять целый ящик. Масин жрёт теперь апельсины во всех видах.

Чего ещё? Мифтах. советует принять участие в конкурсе к 50-летию.

За последние дни напало много снега, и теперь метёт очень сильно, три раза уже выкидывал снег из коридора. До отпуска осталось 3 месяца. Всё в этот год прошло мимо меня: киты, сияния, море – я и не видел его в эту осень – и гуси, и лебеди.

16 м-та.

Неделю дул южак. Дня за три сдул весь напавший снег и теперь дует просто так.

У Лёмы прорезались 2 нижн. зубика. Два очерка Мифа в Маг. комс. Лёня мечет икру перед комиссией.

17 м-та.

Мы с Антошей – организация по выращиванию Масина. Масин проснулся сего. полседьмого, бормотал, бормотал, потом заснул.

22 м-та.

Прилетела выдра, всё началось сызнова. Правильно говорил т-щ Будённый: И вся-то наша жизнь есть борьба.

А если ты не будешь возвращать Прошлое, то Прошлое возвратит тебя.

Антоша ожил, пришли две посылки, и одна с сигаретами.

Нам троим 56 лет и 9 месяцев. Тепло. Масин весит 8.200. В больнице плакал. Написать письма.

27 м-та.

Лёма сего. сам, держась за прутыки, сел. 2 раза сел. Комиссия здесь. Завтра педсовет. Инспекторше надеть поверх телогрейки белый халат и торговать семечками. В субботу и в воскресенье пили у нас по случаю нашего дн. рожд. В тундре застрелился чукча. Ушёл в дальнее стойбище. Ив. зовёт поехать в тундру к пастухам. Был бы Козырев – можно бы поехать свободно. Филиппов выбил зубы Тышову. В остальном всё спокойно.

30 м-та.

Вчера пили у Горд., по приезде Галки. И некий капитан твердил, что именно я должен играть Пьера Безухова и что он уже чувств.

себя на спине медведя. – Да, – сказ. я, – привязывать разных кварталных и спускать их в Мойку.

Ив. летал на военном вертолёте на Ратманова, рассказ., как они живут, полярники и пограничники. Видел Мал.Диомид, посёлок и церковь.

1 анр.

День смеха. Что же вы не смеётесь?.. Пыт. сочинить «Осень в июле». Журналист, писатель и учитель. И геолог. И гельминтолог.

2 анр. 67

– Теперь, что от вас требуется? – гов. Лёня Татьяне Андреевне. – Наладить с этими тремя инд. работу.

Директр. слушает, как зав. пудрит мозги молодой учительнице.

«Тема моих посещений в этой четверти – работа с отстающими», – важно сказ. она.

Я хорошо помню эту ночь на 31 авг., когда мы пришли в Уэлен. И темноту. И маяк. Далеко. И мягкую землю – это кит. Я хорошо помню кита.

Он не бросил здесь свои замашки городской шпаны и, конечно, ему было тоскливо.

Колчак прошёл, – гов. он, когда выпить было нечего.

А больше всего ценилась верность – не бросить отключившегося гостя и дотащить его до дома. Это было доблестью. За это ты станю. своим парнем и к тебе охотно ходили пить.

3 анр.

Вчера был очень тоскливый день. Только что ушёл Петя, в чьём присутствии мне всегда хочется спать.

Лёма садится уже уверенно и часто. Умеет мотать головой и говорить «не-е...» и кивать «да».

Антоша подал заявл. на отпуск с 3, на 1,5 мес., но в отпуск не идёт, до замены.

Полпервого Лёму кормить. Сег. солнце и мороз. Вчера сильный мороз с сев. ветром.

5

Вчера пришёл Иванов, принёс спирту. Сам не пьёт. Говорит, говорит, намолчавшись. Книгу взял любимую с собой. Э.И. Шерешевский и П.А. Петряев «Справочник охотника-полярника», издат. Главсевморпути, М–Л., 1949. Возит её с собой по всем поляркам.

[Юра Иванов, тот самый начальник полярки в Наукане. Это, по сути, и не полярка была, а служба при маяке. Какой-то журналист написал про них и очерк свой назвал: «Советский Союз начинается с Иванова»... Теперь он ехал в отпуск. Книгу, когда побежал к самолёту, второпях забыл у меня. Храню до сих пор. Вдруг доведётся встретиться...]

7 анр.

Ант. грустит. Не хочет уезжать на материк один. В М-ву один.

[Обо всех этих треволнениях – что лучше Антоше с ребёнком лететь в Москву, не дожидаясь меня – потом в рассказе «Домой в отпуск» («Где Север?»): «Я не отвык, а просто не могу, никогда не смогу теперь быть один», – вдруг понял он». Опять же в романе... В том романе, как я теперь вижу, была куча проблем: и как преподавать на Чукотке, и хозяйствовать, и просто жить, и мыкаться между любовью к двум женщинам... и конечно же, вечные наши, интеллигентские, философские, но главная идея там была – семья. Да, в конце 80-х я успел написать, и напечатать в журнале, и издать отдельной книгой вещь, в центре которой была семья. Это наши классики безмятежно могли сочинять «семейные хроники», и сейчас от любого тоже слышишь, что для него основное – это семья, но при советской власти основным было – «общественное служение». Тем более, для писателя... Поэтому приведу: «– В общем, смысл заявления был такой, тут уж я не искажаю, – говорил Андрей Николаевич. – «Пусть меня спросят: миру ли лететь в тартарары, или мне чаю не пить? И я отвечу: миру лететь, а мне чтоб сидеть и спокойно чай пить!..» Но он же был романтик, этот герой Достоевского, воображая себе хоть на секунду, что кто-то когда-то приступит к нему с подобным вопросом. На деле-то осуществляется всё наоборот и без всякого права на выбор: каждый отдельный человек летит в свой черёд в тартарары, а мир остаётся и спокойно пьёт чай! Поэтому я, как реалист, сужаю ситуацию, беру поконкретнее. Вот если бы меня спросили: пусть сторит школа, но чтоб у твоего ребёнка нормальный стул был? И я отвечу: школа пусть сторит, но чтоб у моего ребёнка был нормальный стул!.. Это тебе раз и навсегда – на каком у меня месте «личный интерес»!..]

2 военн. вертолёта сидят на лагуне. Самолёт не прилетел.

18 анр.

Южак 3 день. Море близко. Тает.

– А мы на вашу диалектику найдём прямой и ясный ответ. Всегда найдём прям. и ясн. ответ.

Лёма приподним., держась на прутики, но ещё не встаёт. 2 зуба сверху.

Ивак. послед. время мрачный.

24 анр.

Но я не знал, в чём ловушка, и вот теперь, когда они уехали, я понял, как я любил и люблю всё это: и Лёму, и нашу жизнь. Моя религия – наш Лёма, как утром он смотрит, ещё не узнавая, и вот улыбается, как вдруг он начинает сопеть, наморщив носишко, как хватает ручкой, и все его гримасы, оттенки его лепета.

Ловушка в том, что я теперь никогда не сумею быть одиноким, так одиноким, как раньше.

25 апр.

Приехала комиссия. Я заболел и рад этому. Бессонница.

Сейчас Гордеев пришёл и сказал, что наши улетели, должно быть, на Анадырь.

26.

От Антоши должна быть телеграмма, но нет пока. Наслаждаюсь покоем и одиночеством.

Вечер. Телегр. так и нет. Может, Ант. уже на подлёте. Пурга. Тоска по Масину.

27

Болею в одиночестве. Кашель, и т°, и грудь. Бессонница прошла. От Ант. ничего.

Я отл(ично) понял, что не умею писать рассказы, именно рассказы. То, что я пишу, я знаю, как писать, фабула мысли и т.д., но я не знаю, как это назвать. Это не рассказы в общеприн. смысле.

Море открылось совсем близко. Южак.

Телеграм. от Антоши. Сидят с Гордеевой в Магадане в порту. Услов. ужасн. Без надежды на вылет в теч. 3 дней. Дать телегр. Мифу.

[Миф тогда, судя по всему, уже перебрался из Анадыря в Магадан. Видимо, я, в порыве отчаяния, просил его съездить в аэропорт и как-то помочь Антоше. Хотя – в чём он мог ей помочь? Но он, я помню, всё-таки ездил, однако Антошу уже не застал, внезапно подвернулась возможность улететь...

С ним мы потом неоднократно виделись: то он вдруг объявлялся у меня в Москве, то я, проездом на Чукотку, у него в Магадане. В том же, в 67-м году у Алика в Магаданском издательстве вышла первая книга – «Расскажи про Одиссея». Он подарил её нам с Антошей с трогательной надписью. Маленькая книжечка, «не более почтовой марки». Размером в 4 с небольшим авт. листа, ценой в 13 копеек. Сейчас, когда я на неё смотрю, ничего, кроме грустного, и трогательного, и вместе с тем какого-то безнадежного чувства, она не вызывает. Но тогда, и особенно для автора, это был всего лишь первый и весьма обнадеживающий знак. Всё ещё было впереди... Потом, года два спустя, в том же Магадане у него вышла ещё книжечка, «Головы моих друзей», того же калибра, что и первая. Тоже есть у меня с дарственной надписью. «На память о Чукотке...» и проч. И тоже, на мой взгляд, во многом надуманная. Моя жена, всего три года прожившая в Уэлене, реальнее, чем магаданский писатель со стажем, представляла себе и Чукотку и чукчей. В её тогдашнем уэленском дневнике: «Эта возрождающаяся нация не очень-то, видно, хочет возрождаться. Была вчера у Теркиё. Большой семье дали приличный

дом, но они живут, словно в закутке. Вонь невообразимая, пахнет рыбьим жиром, какой-то требухой и кислятиной. Ребятишки голые, в дерьме, ползают по холодному полу, хозяева лежат на шкурах посреди комнаты, тоже полуголые. Дикари, первобытные люди. В 30 лет у этого шалопая 8 детишек»... (Теркиё – какой-то родственник Ю.Рытхэу, «классика чукотской литературы», проживавшего в Ленинграде. Понятно, что сам писатель, навещаясь в Уэлен, никогда у Теркиё не останавливался. Ночевать предпочитал на погранзаставе. И в своих многочисленных книгах таких картин, как у Антоши, никогда не выписывал. Писал всегда, «какой большой путь, благодаря советской власти...» и т.д.) Да, моя жена, стань она писателем, была бы реалистом потрезвее, чем все мы...

Потом Алик сочинял ещё что-то, но я перестал его читать. Помню, он приехал, сидели у меня, поддавали, разумеется, вспоминали Чукотку, и Алик спросил зачем-то, как я отношусь к его творчеству. Я честно сказал, что думал. «Так. Значит, мой творческий метод тебе не нравится», – подытожил Алик. – «Да при чём здесь я? Но ты спросил, я ответил. У тебя своё видение, у меня своё. Пиши, как тебе нравится», – миролюбиво сказал я... Однако с тех пор Алик своих книг мне не надписывал. И переписываться, и видаться стали реже... Вскоре его выбрали на какую-то ответственную писательскую должность – «главным магаданским писателем», как понял я. Вот этого стремления в писателях я тоже не одобрял. (Как и в Леннарте Мери, когда стал он президентом. «Писать он, что ли, станет лучше?») У меня, кстати, было такое право. Когда в 74-м году и я заделался «членом», меня почему-то тоже хотели сделать «секретарём». Но что там бедный Алик с его двумя с половиной магаданскими писателями?! Неожиданно позвонил из Союза известный писатель Рекемчук и предложил мне возглавить Московскую писательскую организацию. До сих пор не знаю, с чего они вдруг там решили. Я издал всего лишь одну небольшую книжечку «Где Север?», никакого опыта никакой общественной работы. Даже в партии не состоял... И единственное, что я сообразил – ответить, что подумаю. Рассказал Антоше, мы оба посмеялись. И на другой день, когда вновь позвонил Рекемчук, уже законно, «как бы подумав», отказался. «Значит, решили предпочесть творческую работу? Поздравляю!» – почему-то обрадовался он... В общем, та история – осталась для меня загадкой, которую я, впрочем, скоро, за её полной неразрешимостью, забыл, вот только сейчас, в связи с «секретарством» Алика вспомнил...

Ему хотелось предстать этаким суперменом, и в своих рассказах, и в жизни, но, к счастью для него, ни там, ни там не получи-

лось. Росточка он был небольшого, склонен к полноте, типичный «мягкотелый интеллигент», но что отличало, и в характере, и в лице – выражение постоянного, непритворного дружелюбия. Общаться с ним было легко, что для меня, человека, в общем-то, малообщительного, было поценнее рассказа Алика, где его герой-эскимос дозванивается до Копенгагена и просит к телефону «принца датского»... Он умер в 91-м году, пятидесяти четырёх всего лет. Вскоре кто-то из Магаданского издательства прислал мне письмо, что они собираются издать сборник воспоминаний о Мифтахудинове и я мог бы поучаствовать. Я, конечно, написал. Вспоминал в основном, как мы познакомились в Уэлене, а он жил тогда в Анадыре, как обменивались телеграммами с закодированными шахматными ходами, встречались потом в Москве у меня, у Болдырева, говорили о Чукотке... Очерк свой назвал «Это были чистые времена». Что соответствовало: наши тогдашние времена и наши отношения были, действительно, чистые... Попросил издательство лишь об одном: выслать мне хотя бы экземпляр сборника. Воспоминания, по слухам, были опубликованы, но сборника я так, к сожалению, и не получил.]

28

Дал телегр. Мифу. Вчера приходили ставить банки. Всё ветер.

Лягу-ка спать. Когда засыпаешь, обязательно кто-нибудь приходит.

Никто не пришёл.

Скучаю по Антоше и Масину.

Пишется всякий вздор. Не могу писать. Дело не в труде. Чего надеяться? Всё определилось.

«Стр. чел. Крейцер» – не только о любви, но о пародии вообще на личность. О цинизме вел. души, примеренном на обычном человеке. Всё это с должным юмором и лишь в конце, где мальчик с саночками – серьёзно.

Занимала мысль, ну, а каков же он сам – сосуд духа?

Что-то такое они знают, помещая цинизм рядом с самыми святыми словами?

Если они так, то и мы так.

Я стоял, серенький мальчик, скромный, воспитанный и серенький, а вверху они все, грешники и мудрецы, смеялись надо мной, в весёлом соединении греха и мудрости.

М.б. цинизм у них, как протест? – думал я, повзрослев.

в ослепительном соединении греха и мудрости

[Здесь некоторые фразы для «Крейцера».]

И всё-таки он не увидел спасения в мире, который создал, и ему понадобилось создать ещё религию, а мне было бы достаточно мира, но вот мира создать мы не умели.

И откровенные, и тоже недоумевающие воспоминания об этом Горького...

[Видимо, по поводу Толстого.]

29

Баранов уверяет, что принимал телегр. от Галки из Москвы. Но телегр. не несут.

Да, действит., они в Москве, судя по телегр., с 26, т.е. через 4 дня.

1 мая.

Вы уехали, и жизнь моя здесь сразу потеряла смысл. Я не могу теперь быть в одиночестве, и мне не нужно в нём быть.

3 мая.

Пить не хотелось, но пили с Гордеевым.

Когда я понял, что тоскую о них, и обрадовался, что могу тосковать о них.

[Вена Гордеев – такой же был молодой специалист, как и я, но инженер, работал в колхозе у Ивакина, отвечал, как я понял, за состояние всей колхозной техники. Весьма немногочисленной и очень старой. Так что постоянное занятие у Вены было – ремонт... А его жена, Галина Георгиевна, работала у нас в школе учительницей биологии. И подружился мы фактически все вместе, три семьи: Ивакины, Гордеевы, мы... И фактически третий в романе, Валентин Михайлович, это Вена Гордеев, только из механика я превратил его тоже в коллегу-учителя, так мне было проще... И наши, с ностальгией описанные, мирные вечера. «Так и стоят и во всю оставшуюся жизнь будут стоять у меня перед глазами эти мирные вечера!» – написал мой герой... Я раньше моих друзей уехал на материк, но мы продолжали видеться. Я скоро нашёл способ бывать на Чукотке как журналист, а Ивакины с Гордеевыми навещали нас в Москве, когда приезжали в отпуск. Так что вторая идея романа, помимо идеи семьи, была идея дружбы. Идея какой-то нераздельности. «Тому, кто жил вот так же подолгу в глуши, – тому незачем объяснять, какая это удача, когда обнаруживаются несколько близких по духу друзей, с которыми можно собраться по взаимному влечению, какая это отдушина!» – как ещё написал мой герой... У художника, оформлявшего затем роман, возник замысел: не иллюстрировать какие-нибудь отдельные эпизоды, а сделать маленькие рисуночки к началу каждой главы, к первой букве. Я его понял и кое о чём тоже попросил. Обязательно изобразить на тех рисуночках сопку, вельбот, кита, самолёт, керосиновую лампу, свечу, трубку... и т.п. Как атрибуты той нашей жизни. А к той главе, где про «наши вечера» – поместить «Троицу». Пусть намёком, пусть весьма условно, но чтобы было понятно, что это рублёвская «Троица». Художник меня тоже понял. И «Троица» к 7 главе 3-й тетради, на стр. 250 есть.]

Сег. написал простынку «Человека Крейцера».

Комиссия-Чамиссия улетела, едва начали мы разговаривать. Она просила изложить ей свои соображения. Каж., ничего, симп. женщина. Людмила Яковлевна Дортгольц. Институт усовершенствования.

Сег. было 2 самолёта. Лагуна сильно пода-лась. Под сопками уже намокла. Трактор 2 раза проваливался. И уже не темнеет, как следует. Море открыто.

Телегр. от Антоши. Лёма болеет.

Вчера пили у Т.К. немного, потом пошли на полярку и там 2 бут. Потом с Горд. зашли ко мне и у меня ещё выпили. Sic transit праз-дник.

4 мая

Вспоминал, как Масин делает ладушки. Москва от меня на расстоянии 3 года, а Антоша и Масин так быстро очутились в Москве, что кажется, и их я не видел три года.

Плохой, не плохой, а никакой р-з Фолкнера «Розарий». Всё-таки не надо бояться таких вещей. Я слишком разборчив в отношении того, что пишу. И здесь есть оборотная сторона. М.б. Борщак. прав.

5

Вчера Омкай предсказал сев. ветер, и он подул, и чукчи объясняли, что это хорошо – последнюю кромку разобьёт.

Уже летят утки через косу за РТП. Начал снова заним. гириями. Человек Крейцер больше не пишется. Как-то там Масин и Антоша? Прилетел самолёт – не сел.

6 мая.

От Антоши нет ничего. Дать телегр. завтра. Слушал сег., как Масин смеётся.

10 мая.

В ночь с 7-го на 10-е, как гов. когда-то Ани-кеев. 5 бутылок с Горд. у Т.К. 7-го.

От Антоши телегр. была – Масин выздоровел. Дал телегр., и Мифу. На лагуне лужи.

Ветер, и ветер, и ветер.

Настроение и самочувствие – дрянь. На чём будет держаться рассказ?

11 мая.

Живу, никуда не выходя, кроме школы, и не вижу, как происходит превращение в свет, в море, в лагуну, в чёрные холмы на сопке – всего, что было одинаковым, и белым, и неподвижным.

Нашёл 2-й номер с «Мастером и Маргаритой».

[В Уэлене мы узнали уже про Булгакова, по «Театральному роману», опубликован был, кажется, в «Новом мире», который я выписывал. А журнал «Москва» не выписывал, а там вдруг «Мастер и Маргарита». В № 11 за 1966

год и в № 1 за 67-й. На полярках «Москву» поллучали, один номер я, точно помню, нашёл в Наукане, другой у нас, в Уэлене. Ребята мне отдали за ненадобностью. Этот чукотский журнальный вариант «М. и М.» до сих пор храню.]

Дать телегр. Антоше, узнать, как прививка.

Антоша не хотел один ехать в Москву, потому что боялся, что всё, что было, навалится на него одного в воспоминании, и не будет меня, который опровергнул бы это, подтвердил, что 3 года прошли.

14 мая.

В 3 утра ходили на косу: Горд., Судопл. и я. «Утки так и не полетели», – написано было в обогревателе. «Службу несли сверхдительно».

Скибин: Ребята все мужественные, зверобои, а кит так мужественно подплыл под них и перевернул. Они за пыг-пыги. Следом вельбот, смотрят: моржи. За винтовки, целиться, пригляделись, а это люди.

16 м.

Дневник Ренара производит всегда удручающее впечатление заведомым неверием в себя.

Талант – вопрос количества... Да, я думал об этом недавно в связи с Фолкнером.

Исчезла прелесть откровений. Откровений нет больше и никогда не будет. С откровениями покончено.

Цинизм вел(икой) души, примеренный на среднем человеке. И расщепление. Вел. дух может разом созерцать обе свои стороны, ср. человек не может это делать безнаказанно. Мне же всегда хотелось увидеть обратную сторону медали...

20 мая.

Ходили на днях на косу – опять бесполезно. Туман находил и уходил. Прошло неск. стай. Солнце со стор. моря.

Сег. не учились. День здоровья. Костер на сопке. Был вертолёт.

Хорошо, когда знаешь, что тебя ждут – можно не торопиться.

У Скибина ружьё давало осечку и стреляло только на 5-й раз. В следующ. раз, говорит, я дома 4 раза щелкну...

– Вот она молчит, – нач. Гордеев.

– И знаешь, неправильно делает.

– Да, – оживился он.

– Вот эта их мелочность, злопамятность...

– Да, да.

Ветер. Никто не возвращался безбожником из царства одиночества.

[Эту, запомнившуюся с университета фразу, кажется, из Шатобриана, использовал затем в «Кладбище в Уэлене». «Но именно языч-

ником становишься, пока бредёшь по бескрайней равнине, разговариваешь с сопкой, ручьём, каменной глыбой...»]

22 м.

Тепло, но солнца нет. Вечером вышли из клуба, трактор на берегу, привезли три моржа. И девочки, несущие по два, по три карбина.

Горд, отмеч. дни, как Галка (жена его) уехала.

Осиротев, мы с ним нежно заботимся друг о друге.

Как был вертолёт и Т.К. ждала Ивакина. Как мы с помощью магнитофона клянчили у неё бутылку.

23.

Траурное заседание по поводу допущения восьмикл. к экзаменам. Надгробное слово говорил я.

24

Сделал много дел. Вытащил бочку и натаскал воды. Накупил продуктов.

Тельпина умерла. – Живём, не подразумеваем, – сказ. Бражникова.

Успел купить 2 фл. одеколона (к ним голубцы, сказ. Саша Сух.) и батарейки для мага.

Наше испорченное фантастами воображение о будущем.

Занимался штангой с дв. нагрузкой. Завтра – наносить угля.

И начал себя уговаривать: правая рука тяжёлая, левая рука тяжёлая.

26

Мозг перед сном, как утомившийся рой на ветке, и фразы, как отдельные пчёлы, ещё взлетают и опускаются, ещё выютя.

Дал телегр. Антоше. Собираемся на охоту к Инч. сопке.

Гуси летят по морю на север.

Вчера был последний звонок.

Сходить на вторую сопку перед отъездом.

У меня опять нет сюжета. Чайки летят большими стаями. Вчера помогал вытаскивать вельбот и договорился насчёт охоты. Надо сходить в море.

Из тех, о ком каждый раз говорят, что он возмужал. Бесконечный процесс мужания. И те, кот. мужают раз и навсегда.

В школе мы в мелочах ещё делаем вид, что у нас, как у людей, но в главном-то у нас не как у людей и никогда не будет – вот что убивает.

Рыжий в Лорино – смирный мужик, но напившись бегаёт по посёлку и орёт: пока весь посёлок рыжим не будет, с Чукотки не уеду. И кое в чём он уже преуспел.

Младший Щепанюк грызёт сухую черёмуху. Старший спрашивает: это что у тебя?

– Черёмуха.

Отец бормочет: черёмуха, черёмуха...

– Что за черёмуха? Сушёные цветы, что ль?

– Ягоды.

– Какие ягоды? Цветы! И в песне поётся: расцвела сирень-черёмуха в саду...

Когда объяснили:

– А я её лет 20 уже не видал, черёмухи. В отпуск всё в конце лета попадаю.

Дозимовался.

27

Наказывали друг другу с Веной по очереди следить за чайником и ирландским рагу и ходили искать бутылку в честь дня пограничника. Я нашёл у Розы.

29 м.

У одного из пилотов морж. член с надписью: моржовый, но не клык. Соответственно на клыке должно быть: моржовый, но не х...

Сег. посл. педсовет – др-са поплакалась в св. с успеваемостью, но поняла, что конкр. никого задевать не следует.

Хотел бы я посмотреть, как трахаются киты. Вена говорит, что в этот момент они выскакивают из воды. Да ведь так изуродовать друг друга можно!

[Вернувшись в Москву, продолжал покупать разные книги о Севере, в том числе и

Полярная станция, вход в ярангу

Фото Михаила Балыгина

вот эту – «Кит», Гидрометеиздат, 1974, написанную «коллективом зарубежных специалистов». Там масса разнообразных сведений, есть главы «Биология китов» и «Жизнь китообразных», но и в той книге никаких сведений о том, как спариваются *whal'ы* – нет.]

Занимался штангой – без всякого удовольствия.

Потрясающая страница, когда летят они прочь из города: Воланд, и Мастер, и Маргарита. А мы-то бедные, а?

2 июнь.

1-го была комедия экзаменов.

Убиваем время с Веней. Ивакин в Лаврентия. Вызывает Горд. первым транспортом.

Ветер сев.-зап., сев.-сев.-зап. и снег – уже третий день. Пролив размыло и вода в лагуне спала за сутки примерно на полметра.

Дал вчера Ант. телеграмму. Упражнен. гириями с двойным подходом.

Печатал сег. билеты. Песчаная отмель. Песчаная пустынная отмель.

Вуквун принёс торбаза для Лёмы – при последующ. рассмотрен. они оказ. разные.

Сараев. Ему принадлежит открытие, что когда выйдешь из дому, только что пообедав, все собаки облизываются.

Сказать Венке, чтоб зашёл завтра – взял всё, что ему нужно.

Ты строишь фразу так: А,В,С,Д,Е... А надо так: А,С,Е,В,Д и т.д.

5

Были на охоте у Инчоунск. сопки. Пантелеев (отец). Горизонт. чёрточка – проталина, вертикальная – Пантелеев.

Нэрпа, – гов. Коля.

Каюрский чай. Было солнце и туман и сильный южный ветер. Журавли. В бинокль я видел их... и т.д.

Перебирались (через) пролив. Лёд завис. Вода ушла.

В воскрес. вернулись. Заглянул к Ив., отдать утку, там пирожки и Горд. радостный – Ив-н по телефону санкционировал распитие 1 бут. без него. Выпили 2 бут., – потом я ушёл и спал 16 часов.

Много фляг и бутылок на косе с надп. по-английски. Ну, это вин, – сказал Фефелов, – вот оно, вин, наконец, добрался...

Сараев убил двух казарок.

Сег. дождь и ветер, туман и снег.

6 июнь

Рассказ Ранау, как он приехал в Ленинград и прописыв. в гостинице. Имя? Ранау. Отчество? Фамилия? Всё Ранау. Так и записали: Ранау–Ранау–Ранау.

Сжѐг все планы – за три года. Хорошие были планы.

7

Был экзамен. Опять лёд.

Макаровна уже достала справку для Тынантонау, что она была больна на экзамене по математике – для пересдачи.

Собрать вещи – в основном.

8

Прошёл пароход – на Певек. Вечером. Пришли вельботы из пролива. Льда там нет. Ивак. мечет икру в Лавр. Завтра в 7 ехать с трактор. на косу.

Перечитал и сжѐг много писем.

10 июнь

Ивак. прилетел. Горд. улетел.

2 дня стоят хороших. Ходишь по посёлку и все говорят с тобой об отпуске.

11

Принимал экзамены. Были Ив-ны. Т.К. зашивала посылки.

Отвращение к школе. Завтра: оформить аттестаты.

Гов., последние слова Комарова были – иду отдыхать.

12 июня.

Задул вдруг с юга.

Свобода, наконец.

Пошёл на почту, и в тот момент, когда сел давать телегр. Антоше о своей свободе, подаёт от неё телегр.

Говорил с Ивакиным в конторе. Вечером зашёл, и Барс у двери, он сидит один и глядит в окно. Просто сидит и глядит.

[О чём говорили – сейчас не вспомнить. Думаю, что ни о чём в особенности, без «проблем». В романе у моего героя-рассказчика получилось лучше. «Зайти я не решился. Однако в окошко глянул, проходя. Алфеев действительно был там, за своим столом, один. Но стол его был пуст, без единой бумажки, а Иван Филиппович просто сидел и глядел перед собой. Я шёл гребнем высокого сугроба, как раз на уровне окон, и он мог бы меня заметить. Но он не заметил...»

Задним числом можно теперь предположить: Ивакина прочили тогда опять на партийную работу, об этом он мог и размышлять в одиночестве. «В 1967 году я был избран первым секретарём Чукотского райкома партии – начинался новый этап работы,» – как написал он позже в своей книге (В.Ивакин «Между двух океанов», Магадан, 1986). Книжечку ту я потом в Магадане увидел и, конечно же, с радостью и предвкушением купил. Примерно в то время у меня самого вызрела идея – что нет ничего противоземнее, чем профессия писателя. Нужно, чтобы каждый человек умел и мог высказать-

ся. Я даже отразил эту идею в «Словах» (1982 г.): «К известному перечню человеческих дел на земле – построить дом, посадить дерево, народить детей – ты прибавлял: и написать книгу. Одну книгу. Всякому человеку. И если бы всякий человек умел написать свою книгу, поведать о своих делах и жизни, исчезла бы тогда – ты верил в это – такая нелепая, в общем-то, специализация – людей, исключительно пишущих...» (О всякого рода халтурщиках, спекулянтах на слове и просто графоманах я как бы забыл, я их в своих построениях не учитывал...)

Да, я обрадовался, что Валентин Алфеевич со своей книгой вписывался в мою идею. Книжечка у него получилась небольшая, листиков в семь, я сразу начал её читать. Писал он сам, не прибегая к помощи журналистов, это было очевидно, я вспоминал и узнавал его манеру говорить – конкретно, по делу, о сути. Но и не без некоторого лиризма... Ивакин там как бы отчитывался о своей работе на Чукотке: о трудностях, о типично северных проблемах, о преодолениях и т.п. – писал также о товарищах, бок о бок с которыми... Всё это было понятно и ожидаемо – меня интересовало, что он вспомнит об Уэлене. И об Уэлене там было: трудности, проблемы, преодоления. Люди... И о главном инженере Вениамине Иннокентьевиче Гордееве автор сказал несколько слов: молодой специалист, не убоился, не бросил, не уехал... Мог бы, конечно, написать о Вене побольше. А обо мне, о наших сидениях далеко за полночь, о наших долгих философских спорах – ни словечка. Я, впрочем, не обиделся и не осудил: я, вольный, залётный учитель, естественно, выпадал бы со своими завиральными идеями из практического, делового настроения повествования, разрушал бы жанр... Писал Ивакин свою книгу, уже находясь на пенсии, где-то в Тамбовской области, и закончил так: «А я счастлив, что мне пришлось прожить свои лучшие годы там, между двух океанов». Я, хотя и сомневался уже к тому времени, а то ли, что нужно, мы все делали тогда на Чукотке, но порадовался, что хоть Ивакин ощущает себя счастливым...

Сам я тогда уже заканчивал писать свой чукотский роман, и со своим Алфеевым обошёл похуже. Совсем, можно сказать, плохо. Поначалу-то он выходил у меня вылитый Ивакин, но вдруг... Из заученного ещё в школе, как Пушкин писал какому-то своему приятелю: «Знаешь, какую штуку удрала моя Татьяна? Замуж вышла!» Вот и мой Алфеев неожиданно для меня «удрал штуку» – застрелился. Ну, там психологически подводилось: другая любовь, и сохранившаяся любовь к жене, т.е. две любви одновременно, и многие в связи с этим душевные передраги, надрывы... в общем, получалось: «И председатели колхозов чувствовать умеют!»... С Ивакиным в ту пору об-

щаться уже не доводилось, но Вена у меня в Москве бывал, роман прочёл и высказался категорически: «Ивакин никогда не застрелится!» Я и сам это знал, но уже ушёл далеко от прототипа. Я своего Алфеева в сравнении с прототипом, можно считать, даже романтизировал...

Уйдя из председателей колхоза в секретари райкома, Ивакин во многом и незаметно для себя переменялся. Мы с Веней это видели и обсуждали. Он сделался тем самым «начальством», которое сам когда-то обличал. И мысли и привычки стали именно «начальственными». Но, как говорят чукчи и любил повторять сам Валентин Алфеевич: «Кэлюкым минкыри» – что поделаешь?.. Мне, например, всё-таки жаль, что не описал он, как засиделись у меня чуть не до рассвета и так увлеклись – и разговорами, и вообще... времяпрепровождением – что Ивакин ушёл от меня в домашних тапочках. По уэленским снегам, по сорокаградусному морозу. Хватился только метров через двести... Книга его от этого воспоминания только бы выиграла. Но это, как теперь полюбили говорить в таких случаях, была бы уже совсем другая книга...]

Ветер утихает, но совсем не утих, и охоты видимо не будет. Не до охоты.

До сего вечера я отрывал листки календаря с удовольствием.

И табак кончился.

Лагуна напротив вся в разводьях.

[Здесь заканчивается мой уэленский дневник. Внезапно, как нарисовавшийся вдруг на горизонте силуэт «Аннушки». И чемоданы твои наготове... А потом, по возвращении в Москву, наступит то, о чём однажды сказал Ивакин: «На эти сопки, море, веришь ли – иногда кажется, и не глядел бы, так примелькались. Но знаю точно: уеду на материк – начну тосковать...» После я тоже неоднократно писал об этом. Например, в «Шторме в Уэлене»: «Но знаю также, что многое потом отдам, чтобы хоть изредка, хоть раз в году, пусть десять минут из каждой осени, постоять на холоде, ветре и дожде, посмотреть, как скручиваются морские валы, и вновь припомнить всё, чему я здесь научился».

Совсем определённо, в отличие от нашей «русской и необъяснимой тоски», и ещё прежде нас высказался Р.Кент: «Почему люди любят дикие места? Ради гор? Их может и не быть. Ради лесов, озёр и рек? Но ведь это, может быть, пустыня, и всё равно люди будут её любить. Пустыня, однообразный океан, нетронутые снежные равнины севера, все безлюдные просторы, как бы они ни были унылы, – единственные места на земле, где обитает *свобода*». (Курсив, как говорится, мой. – Б.В.) Всё это, насчёт «единственных мест» и свободы, понятно и до сих пор. А в наше теперешнее время – понятно особенно.]